

G.Y.Ibragimova

Commonwealth of Independent States in 2005-2010: Prominent problems and perspectives

By the materials of periodic print

Views and opinions on the issue of current situation and prospects of existence of the Commonwealth of Independent States are characterized in this article on the basis of studying of the periodical press. Special emphasis is concentrated on integration processes and innovative cooperation in the CIS, the problem of reforming of the Commonwealth, and relationship between Russia and the CIS countries, as well as on analytical and expert recommendations on overcoming a crisis of the CIS.

УДК 94 (574) «19»

Г.К.Калиева

Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова

Влияние особенностей управления чиновничества в лице волостных управителей и аульных старшин на их социальный статус

В статье рассмотрены особенности управления чиновничества, как представителей царской администрации, в лице волостных управителей и аульных старшин. Отмечено, что у аульных и волостных чиновников, которые представляли нижнюю иерархию в административной системе управления, были определенная власть и влияние. Показано, что они, сохраняя традиционный быт казахского общества, осуществляли свою политику, что сыграло определенную роль в осуществлении колониальной политики Российской Империи.

Ключевые слова: Казахстан, колониальная система, управление, система управления, традиции, культура, оппозиционирование, кочевые группы, уезды, чиновничество, должность.

Высший эшелон российской колониальной системы в Казахстане был представлен назначаемыми чиновниками метрополии — от генерал-губернаторов до уездных начальников, нижние ранги административной лестницы — волостными управителями и аульными старшинами, избираемыми путем выборов из представителей коренного населения. Выборы как волостного, так и аульного старшины осуществлялись по двухступенчатой системе.

Для выбора волостного хозяева 50 кибиток сначала избирали одного выборного, а съезд выборных — волостного управителя и его кандидата. Для выборов же аульного старшины 10 кибиток избирали одного выборного, сход этих выборных определял аульного старшину и его кандидата. Косвенная система управления, которую избрали колониальные власти, предполагавшая использование для управления кочевыми общинами местные человеческие ресурсы, создала определенную свободу функционирования традиционных управленческих структур и воспроизводства традиционной политической культуры. Как нам кажется, практика проведения избирательных кампаний в Казахстане во второй половине XIX – начале XX в. достаточно иллюстративно демонстрирует принципы оппозиционирования между кочевыми группами той или иной величины, которые проявлялись в зависимости от уровня избрания должностного лица (волостного, аульного старшины или выборных), где традиционные стереотипы мышления определяли политическое поведение кочевников.

Главная должность, на которой сосредоточивалось внимание избирательной компании, — волостной управитель. Практически вся дореволюционная историография единогласно утверждала, что фигура волостного имела большое значение. Такую роль волостного юридически подготовила сама колониальная система, когда на основании реформы 1867–1868 гг. и других реформ, эта должность сконцентрировала в себе административную, фискальную функцию, а также исполнение судебных решений. По мнению реформаторов, такое сосредоточение власти в одних руках давало возможность верхним этажам власти централизовать управление кочевниками. Однако первые же годы управления

показали что, во-первых, данные должностные лица являются источником чиновничьей коррупции, во-вторых, в этом звене административной системы происходят самопроизвольные процессы в виде «партийной борьбы», которые не поддавались какой-либо регламентации.

Волостным избирался обычно лидер доминирующего сегмента, который, используя вверенные ему колониальным аппаратом функции, лоббировал интересы своей кочевой группы. Прежде всего, это касалось использования пастбищ, процесса налогообложения и судебного исполнения. Такое положение не могло устраивать другие аулы, и в связи с этим в предвыборных кампаниях использовались такие формы борьбы, как жалобы, кляузы, подлоги и тому подобное.

Обычно выигрывала в предвыборной борьбе та кочевая группа или, другими словами, партия, которая имела экономическое превосходство. Возглавляли такую группу экономически сильные аулы, обычно обладающие значительным количеством скота и поэтому имеющие экономическое влияние на других. Например, в Кувской волости Каркаралинского уезда доминировала кочевая группа джаралгап, а возглавляли ее аксакалы двух хозяйственных аулов, которые являлись «наследственными управителями Кувской волости: «Они распоряжаются не только землей описываемой подгруппы, свободно вытравляя ее пастбища своими огромными тысячными табунами, но распространяют свою власть на земли общего пользования всего рода джаралгап...» [1; 17]. В Дегеленской волости этого же уезда родом таракты руководил богатый аксакал одного из хозяйственных аулов Тышкымбай Кошан. О лидерах Кокчетавской волости Каркаралинского уезда писалось: «Если до настоящего времени вопрос о землепользовании и взаимных отношениях между киргизами не принимал слишком острой формы, то это объясняется единственно только тем, что стоящие во главе Кокчетавской волости Чалаковы и Адамбаевы слишком богаты и влиятельны...» [1; 23].

Поскольку итоги выборов заключались в количестве набранных голосов, то задачей соперничающих партий было увеличение дополнительных голосов путем подкупа. Они, очевидно, покупались у тех аулов, которые не могли претендовать на выигрыш, или за счет искусственного увеличения числа кибиток в своей партии. Таким образом, подкупы и приписки явились одним из главных методов ведения политической борьбы. Например, в жалобе одной части Сарытокумовской волости Верненского уезда писалось, что «из участвовавших в выборах четырнадцати выборных пять были избраны посредством подложного участия в аульном сходе третьего аула сторонников волостного из других аулов. Пятнадцатого сентября, — писалось в жалобе, — будет чрезвычайный съезд, которым неправильно избранные окажут всевозможные притеснения противной партии, состоящей из двух третей всей волости...» [1; 21]. О фактах появления фиктивных голосов не раз отмечал П.П. Румянцев: «В административные списки, кроме действительных хозяйств, попадают и хозяйства фиктивные, так называемые «отау». Это и есть те экономически несамостоятельные хозяйства, которые искусственно отделяются киргизской администрацией от основных хозяйств и регистрируются при составлении списков в целях партийной борьбы для увеличения голосов при выборах должностных лиц. Очень часто влиятельные и богатые киргизы, заинтересованные в получении лишних голосов, вносят за отау и подати» [Отчет по Семиреченской области стат. комитетов за 1906–1907 гг. С. 15].

Другой стороной выгод, которыми пользовалась победившая партия, было право контролировать сбор налогов волостным управителем. По законодательству второй половины XIX в. составление ведомостей о количестве кибиток в волости производилось волостными выборными, которые, в свою очередь, составлялись по спискам аулов, предоставлявшимся аульными начальниками. Таким образом, списки о кибитках, определявших сумму сбора и сам сбор налогов, вызывали межгрупповую борьбу на всех этапах проведения налогообложения. В конечном итоге эти ведомости подписывал волостной управитель, от которого зависели результаты сбора. Основные тяготы уплаты налогов ложились на проигравшую партию.

В одном из прошений от 700 кибитковладельцев Сарытокумовской волости Верненского уезда на имя Степного генерал-губернатора писалось: «...так как из наших трех аулов выборные не были избраны, то раскладка на уплату подати и повинностей составлена сторонниками волостного настолько пристрастно, что главными плательщиками податей являемся мы — противники волостного, что окончательно противоречит существующим правилам и законам — ... имея в виду, что трехлетие управления Халыкова пустит по миру наших доверителей в числе 700 кибиток» [1; 23]. В другой жалобе, от 1881 г., казаха Полуденской волости Петропавловского уезда говорится о том, что в волости существовали несправедливые сборы с 51 кибитки, которые перечислились из Тереккульской волости Павлодарского уезда. Такого рода жалобы были характерны для административно-политической системы в целом, многие из них оставались российской администрацией без рассмотрения, воспри-

нимались ею как ложные, так как всегда поступали от стороны проигравшей партии. На одну из таких жалоб была дана резолюция следующего содержания: «...в этой волости под давлением бывшего кандидата на волостного управителя образовалась враждебная Куванышеву партия в составе и аульных старшин, и других киргиз, к ней же, вероятно, принадлежал и Байсеков, партия эта путем подлога и ложных выводов старается завинить управителя и удалить его от должности» [1; 25]. В 1894–1896 гг. расследовалось дело касательно жалобы казахов Биен-Аксуиской волости Капальского уезда о неправильном избрании волостным управителем Мырзагулова. Это письмо было подписано 700 кибитковладельцами названной волости. В резолюции военного губернатора Семиреченской области по этому делу было написано: «...податели прошений суть вожака противной волостного управителя, но слабейшей, сравнительно с партией последнего, партии, и это дает право заключить, что все жалобы ложны и заявления по вражде слабой партии, протерпевшей борьбу на выборах...» [1; 26].

Возможно, многие такие документы не отражали действительные факты, однако они показывают саму атмосферу отношений между кочевыми группами внутри волостей. Такое состояние дел было характерно для всего исследуемого периода — второй половины XIX – начала XX вв. В своем отчете по ревизии Туркестанского края сенатор гофмейстер граф К.К. Пален в 1910 г. писал: «В жизни киргиз до сего времени имеет большое значение родовое начало, порождавшее обособленные интересы отдельных родов. Раскладки производятся выборными от каждого рода и вполне понятно, что при таких условиях всюду, где только отдельные роды в ауле представлены неравномерно, господствует засилье преобладающего рода, последствием чего является систематическое обременение платежами численно слабой части аулов. Обиженные нередко обращаются с ходатайствами о разделе таких аулов на несколько частей соответственно родовому составу или просто о выделении просителей в особую единицу ...» [2; 52].

Для проигравшей партии, таким образом, наиболее приемлемым было отделить свою группу из этой волости. В связи с этим в российскую администрацию поступало много прошений о разделе волости на две. Например, в них писалось: «...мы от лица их, имеем честь как милости просить о распоряжении Вашего Высокопревосходительства приказать сделать в нашей волости выборы туземной администрации. Или в противном случае, разделить нашу волость на две таковых. Тогда мы уверены, Хальков останется лишь при менее, чем трехсот кибиток своих родичей. Октябрь, 15 дня 1894, Верный» [3; 12]. В другом прошении казахов Чубартавской волости Каркаралинского уезда на имя Степного генерал-губернатора писалось: «...имеем честь покорнейше просить Ваше Превосходительство, если ходатайству нашему ради спокойствия народонаселения не будет уважено о разделении волости на две и не будет разрешено выбор новых волостных выборных, аульных старшин на аульном сходе, то мы все будем претерпевать разврат волости, насилие управителя волости Миналкова, тем более, о чем бы он не ходатайствовал перед уездным начальником, то все ему уважается, тогда мы уже просим Ваше Превосходительство лучше назначить к нам управителем киргиза из посторонней волости или русского лица...» [3; 14].

Видимо, прошения проигравшей партии о замене волостного из враждебной партии были не раз, так как она надеялась, что это как-то могло бы ослабить тяжелое положение их группы. В практике российских властей были примеры, когда такая замена происходила. Как показывают архивные материалы, в действительности, она не была эффективной, даже в тех случаях, когда личность волостного управителя обладала общепризнанным авторитетом среди большинства людей. Таким примером может быть опыт службы волостным управителем Абая Кунанбаева, который был избран на эту должность из «посторонней волости» Здесь мы приведем текст из переписки чиновников российской администрации по поводу поступившей жалобы на Абая Кунанбаева от некоторых лиц управляемой им волости: «...в Конур-Кокче-Тобуклинской волости почти ни один управитель не мог благополучно выслужить ни одно 3-х ление. Так, например, в прошедшие 3-х ление, с 1872 по 1874 год, был выбран 1-м Увандык Алатаев и предан суду, 2-й Итпай Кувандыков и предан суду, 3-й Дутпай Увандыков — предан суду, Джусуп Коланкулов смещен с должности, и, наконец, окончил трехлетие 5-й Джусуджасар Карымбаев. Все они по интригам киргиз этой волости были отдаваемы под суд и следствие, но впоследствии оправданы. Происходило это потому, что каждому влиятельному лицу или самому хотелось быть управителем, или же был во вражде с выбранным управителем, в настоящее время почти нет ни одного состоятельного или влиятельного лица в волости, не бывшим под судом и следствием. Бывший уездный начальник Измайлов предложил обществу избрать в управители человека посторонней волости и указал им Ибрагима Кунанбаева, который как ему и всем, знавшим его, был известен за человека крайне распорядительного, умного и честного, в чем Измайлов

нисколько не ошибся; общество Конур-Кокче-Тобуклинской волости действительно согласилось с доводами Измайлова и единогласно выбрали Кунанбаева управителем, который ранее был перечислен из Кучук-Тобуклинской волости в Конур-Кокче-Тобуклинскую. Почти за все время управления Кунанбаевым волостным, в течение которого волость отличалось большим порядком, прежде в ней происходили чуть не ежедневные баранты и часто убийства, в последнее время же ни одного уголовного следствия, что единственно относится к влиянию Кунанбаева, и когда жалоба на него поступила от Буробаева, то Кунанбаев просил уволить его в отставку, объясняя ему, что крайне трудно справиться с волостью, где он чужой человек, но по убеждению, продолжал службу. Настоящая же причина подачи просьбы Буробаевым объясняется следующим, что в волости образовалась партия, которая желала видеть управителя своего приближенного и не зная, что Кунанбаев и сам не желает служить, в виду предстоящих выборов, подучили Буробаева подать просьбу на Кунанбаева ... Со своей же стороны уездный начальник Кареев вполне разделяет взгляд Измайлова на управителя Кунанбаева, что это лучший из управителей не только уезда, но и области...» [3; 12–15].

Этот пример хорошо показывает, что даже такие выдающиеся личности, как Абай Кунанбаев, не могли повлиять на противостояние кочевых групп друг другу. Волостные управители имели влияние только при поддержке своей группы, в том случае, если они выражали ее корпоративные интересы. В спорах же волости с другими волостями волостные управители лоббировали интересы всей волости и таким образом генеалогического сегмента в целом. Позиции волостных управителей по отношению к сегментам своей волости менялись в зависимости от того, какого уровня происходят конфликты, внутренние или внешние, как это было, например, в конфликте Аккырской волости Перовского уезда с Кучербаевской волостью Казалинского уезда. В своем рапорте от 28 марта 1886 г. волостной управитель Аккырской волости жаловался, что казахи противной волости согнали его людей с земли, отстранили «от хлебопашества и посеяли сами». В рапорте он просил о точном определении границ между волостями двух уездов, «так как этот случай не в последний раз». Волостной управитель мог возглавить притеснение аулов другой волости, как, например, в 1879 г. Зангарская волость Казалинского уезда во главе с волостным потравили сено и сожгли топливо Аманкульской волости Иргизского уезда Тургайской области. Можно сказать, что позиции волостных управителей по отношению к сегментам своей волости менялись в зависимости от того, какого уровня происходят конфликты — внутренние или внешние.

Внутри аулов или группы аулов, объединенных в «партии», как ясно показывают материалы, также не существовало единогласия. Административный аул, который совпадал с коллективами, объединенными общими летними пастбищами, кочевьями, разделялся на противостоящие друг другу кочевые группы. В одном из рапортов волостного управителя Маикбаевской волости Казалинского уезда на имя начальника уезда писалось, что 170 кибитковладельцев Нурабаева отделения жаловались на другое отделение этого же аула, что они не допускают их срезать в местечке Утеш-оран камышовое сено. Волостной управитель отчитывался, что сделал по этому поводу кочевой группе предупреждение. В другой жалобе, касавшейся трений внутри одного аула Спасской волости Акмолинского уезда, говорилось: «Состав аула № 3 Спасской волости 366 кибитковладельцев стоит от волости отдельно, нас только 132 кибитковладельца, родственно связанные, остальные 234 особо большей частью воры, сила их сторон — старшина, судья, выборные, от них все нас притесняют, не увольняют в особый аул..., последствие страшно тяжело будет нам, обокрадут, разорят» [3; 32]. В ответ на эту жалобу Акмолинский уездный начальник в своем рапорте на имя Военного губернатора Акмолинской области писал: «В этом ауле 366 кибиток, разделившихся на две не равные партии, при чем большая давит меньшую во всех общественных делах; Предложение о составлении приговора о разделе аула большая партия отвергла, не представив к тому уважительных причин; Приняв во внимание, с одной стороны, невозможность оставить у большой, с другой же стороны, и чрезмерную величину аула, ровняющуюся половине целой Ортавской волости имеющей даже 6 старшин, я полагаю бы...произвести разделение аула ....» [3; 35].

Напрашивается заключение, что самые нижние звенья административной системы управляли не однородными по своему составу коллективами, а внутренне конфликтными. Эта конфликтность обнаруживалась в оппозиции самых маленьких групп друг другу, которые защищали свои экономические интересы. В связи с этим фигуры аксакалов или старшин были неоднозначными. В конфликтах с другими аулами они выражали интересы аулов, внутри же него — интересы своего генеалогического сегмента, что отмечалось нами ранее.

На волостном уровне роль аксакалов была минимальной, но увеличивалась в самой кочевой общине. А.К.Гейнс, описывая роль пятидесятников и десятников в жизнедеятельности кочевых групп, писал: «Волостные выборные изменяют или утверждают границы между зимовками аулов, но десятники могут по своему усмотрению видоизменять поземельные владения отдельного лица, то есть влиять на материальное положение каждого киргиза. Ничтожным количеством влияния пользуются особенно десятники, которые, однако, в поземельных делах имеют огромное значение» [3; 44–46]. Аульские старшины, являясь лидерами основных социально-экономических ячеек кочевых объединений, в которых осуществлялась наиболее активная социально-бытовая практика между индивидами, обладая регламентирующими и судебными правами, благодаря, обычно, личным качествам, стремились в наибольшей степени к урегулированию взаимоотношений между этими ячейками. В связи с этим деятельность аксакалов была, видимо, многоаспектной. Они разрешали поземельные вопросы, социальные конфликты, осуществляли межпоколенную преемственность традиционных ценностей на основе адата. Взаимозависимость мелких кочевых групп друг от друга в осуществлении кочевой жизнедеятельности определяла, видимо, целесообразность решений в большей степени, нежели в группах более крупной степени интеграции: «Возникающая с течением времени неравномерность в распределении пастбищ по решению аксакалов. От одного киргиза — многочисленное потомство — корытки тесны, у другого род не увеличивается — пастбища обширны. Собираются аксакалы рода, просят отдать часть своих пастбищ малоземельным хозяевам, принудить не могут: корык составлен как бы собственностью хозяина, которой он распоряжается по своему усмотрению, но в силу установившихся традиций, дело обыкновенно кончается к обоюдному удовлетворению: многоземельный уступает часть своих пастбищ малоземельному, определяет новые границы, колют барана, творят бату и т.д.» [3; 44–46].

Степень влияния русской администрации на сферу традиционных отношений вызывала огромный интерес и внимание со стороны высших чинов региона. Этому вопросу посвятил много страниц военный губернатор Тургайской области А.К. Гейнс. В «Мотивированной временной инструкции начальникам Тургайской области» от 1878 г. он писал: «Одни из этих управлений помещаются в городах, где киргизы бывают только наездом, другие, как Тургайское областное управление, имеют свое местопребывание даже вне пределов подчиненных им областей. Постоянное отсутствие из района своей деятельности лишает губернатора и чинов областного правления всех тех впечатлений местного характера, из которых складывается живое знание и формируется верная точка зрения на управление киргизами. За неимением других средств, приходится, для дознания киргизов, опираться на бумажную сторону дела» [3; 44–46]. Вывод, к которому пришел А.К. Гейнс, заключался в том, что основу русского управления в степи составляют только уездные начальники, чье реальное значение в степи оставляло желать лучшего. В связи с этим он также отмечает: «Основую русской администрации в степи должны быть уездные начальники, а не волостные управители, как это практикуется теперь» [3; 44–46]. Многие материалы говорят о том, что уездные начальники не могли контролировать ситуацию во вверенных им уездах. А.Г. Арандаренко, чиновник по административному управлению в Туркестанском генерал-губернаторстве, описывал впечатления об уездных начальниках: «Наш уезд в 500 верст длины и 300 верст поперечника населен киргизами рода алчин, найман, кипчак, и называется Усть-Каменогорский уезд, по главной реке Уль. Наш уездный начальник живет со своим управлением не в центре киргизских пастбищ, в населенных русскими же городе Усть-Каменогорске, и в областном городе, на краю уезда. Русские власти не ездят к нам в кочевья, и знают ли они что-нибудь о житье нашем, неизвестно. Начальник же наш, тихогласный, худощавый, наезжает в кочевья через каждые три года, когда наступают выборы...» [3; 17].

Зачастую уездные начальники были замечены в отношениях с волостными управителями, которые не были предписаны законом. Например, в одной из жалоб 1894 г. на имя Степного генерал-губернатора от 700 кибитковладельцев Биен-Аксуйской волости Копальского уезда о неправильном избрании в волостные управители Мырзагулова писалось: «...мы жаловались на притеснение уездному начальнику и отобрали у нас скота управителем нашим Тилеубаем Мырзагуловым. После подачи жалобы уездный начальник собрал народ для выбора должностных лиц, как управителя, так и других, причем уездный начальник объявил народу, чтобы народ избрал достойного и хорошего человека, а Мырзагулову объявил, что он по жалобам народа не может быть допущен к выборам. Вечером, того же дня, киргизы Арасанской волости с управителем нашим Тляубаем были у нашего уездного начальника, а на другой день, по неизвестной нам причине, были избраны выборными доверенными Труспека и близкие люди управителя, без согласия общества избрали управителем Тлеубая, а канди-

датом его родного брата Туганбая [3; 25]. Подобных жалоб именно на уездных начальников было немало, что говорит о том, что их роль в избирательной кампании не была лишь нейтральной.

В целом нужно сказать о том, что контроль верхними эшелонами власти нижних структур администрации имел очень ограниченный характер, так как вышеописанные процессы «партийной борьбы», происходившие в волостях, не являлись результатом деятельности отдельных групп людей и личностей, а были новой формой традиционных политических взаимоотношений групп разного уровня интеграции. Российская административно-политическая система рассматривалась групповым сознанием казахов как дополнительный источник получения преобладания в конкурентной борьбе за те или иные ресурсы. Принадлежность к той или иной генеалогической группе, величина которой зависела от ситуации, и определяла политическое поведение индивидов.

Что касается судебной сферы — чиновничество проявляло некую самостоятельность, продиктованную социальными особенностями, которые откладывали отпечаток на их роль в обществе. В частности, офицер Генерального штаба Л. Мейер, подробно изучавший судебную сторону жизни Оренбургского ведомства и утверждения в ней русского суда, в своем труде «Киргизская степь Оренбургского ведомства» писал: «Сведения юридической статистики о киргизах, как можно было ожидать, весьма неполны, потому что множество проступков и преступлений, по причине обширности территории и подвижности кочевой жизни, остаются совершенно неизвестными властям. Кроме того, много преступлений скрываются умышленно от русского управления местным киргизским начальством потому, что оно находит верный расчет судить их домашним образом. Нельзя, впрочем, сказать, что от этого правосудие особенно страдало. Народ, во всяком случае, доволен им и предпочитает суд по своим древним обычаям нашей уголовной или гражданской судебной практике, решительно недоступной его понятиям» [3; 32]. К такому же заключению пришел другой военный чиновник Генштаба Н.И. Красовский о влиянии российского судопроизводства и законодательства в целом в Сибирском ведомстве: «...все до сих пор сказанное об управлении, не введенном, но непрочно приклеенном к киргизам, не имеет того значения, какое бы желательно было в нем видеть нашему правительству...» [3; 56].

Таким образом, традиционность общества отражала специфику проведения внутренней политики низшим звеном чиновничества, порождая коррупционность и злоупотребление своим служебным положением. Особенность функций чиновничества отражалась на социальном облике, выводя положение низшего звена административно-полицейского аппарата на степной территории в ряды элитных должностей среди традиционного общества. Высшие чины колониального аппарата, закрывая глаза на своеобразную самостоятельность управления в степи, порождали соперничество среди этнического социума по принципу «разделяй и властвуй», несмотря на жалобы о несоответствии уставу управления чиновников на местах, укрепляли колониальную власть и ослабляли сопротивление власти в целом. Личностные качества чиновничества, за исключением единичных случаев, отходили на второй план. Главным в данной ситуации было имущественное превосходство, так как выборные голоса покупались. Авторитет, справедливость, защита интересов общинника действовали по отношению к представителям из того же рода или племени, что вызывало недовольство остальных. Такая несправедливость порождала поиски более справедливых решений, в частности, у русской администрации, тем самым популяризируя и положительно характеризуя колониальную политику царизма.

Список литературы

- 1 Кнопка С.Р. Туркестанский край. — Ташкент: При Туркестанском генерал-губернаторе, 1913.
- 2 Туркестанский край: Сб. материалов для истории его завоевания. — Спб., 1914.
- 3 Центральный государственный архив РК г. Алматы (ЦГА). — Ф. 44. — Оп. 1. — Д. 3237, 3293, 3257.

Г.К.Калиева

Ояз басқарушы және ауыл старшиндары шенеуніктерінің басқару ерекшеліктерінің олардың әлеуметтік мәртебесіне ықпалы

Мақалада Ресей Империясының әкімшілік-мемлекеттік төменгі жүйесінің әлеуметтік және қызмет орнының ерекшеліктері қарастырылған. Ұлттық шенеуніктер, болыс жетекшілер мен ауыл ағалары әкімшілік жүйенің бөлшектерін құрастырып тұрған. Олар қазақ қоғамның дәстүрін сақтап, өз саясаттық бағытын жүргізді. Өз кезегінде бұл әлеуметтік, материалдық жағдайға және мәдени бейнелеріне ықпал етті.

G.K.Kaliyeva

Effect of peculiarities of officialdom management in the face of county rulers and aul petty officers to their social status

In the article the author writes about special features of administration of colony system in the territory of Kazakhstan. Auls and or volost leaders which have formed the lowest links of administrative system in traditional society, had definite authority and influence. These positions as result of artificial created fight, have led to popularization and positive characteristics of coloni policy of tsarism, and individual qualities were departed in the second plan.

УДК 392.3 (574.25)

Г.Б.Нурахметова

Павлодарский областной историко-краеведческий музей им. Г.Н.Потанина

Традиционная потестарная организация казахов субрегиона Акколь-Жайылма в XVIII – начале XX вв.

Статья посвящена анализу традиционной потестарной организации казахов Экибастуза в Павлодарской области. Представлена особая экономика-культурная система и определены ее особые черты в сельском хозяйстве, рыбном промысле, кустарной промышленности, сформированной в данном субрегионе.

Ключевые слова: казахи, территории, земли, населения, племена, роды, колонизация, патриархальная идеология, потестарные организации, субрегионы.

Первоначальный период этнополитической истории казахов нового времени характеризуется борьбой казахов за освобождение своих территорий от джунгарских захватчиков и возвращением утраченных ранее исконных земель. В тяжелейших и кровопролитных сражениях казахам удалось отбросить экспансию Джунгарского государства.

Казахские племена Среднего жуза стали возвращаться на территорию Северо-Восточной Сары-арки в 30-х годах XVIII в., после первых крупных побед, одержанных казахским ополчением в Булантинском (1726) и Аныракайском (1729) сражениях. Огромный вклад в дело освобождения захваченных земель Сары-арки внесли великие сыны казахского народа Богенбай, Кабанбай, Жанибек, Олжабай и другие.

Одними из первых на вновь освобожденные земли стали возвращаться аргынские и найманские племена Среднего жуза. На территорию Акколь-Жайылмы среди первых пришел аргынский род канжигалы во главе с биями Абызом и Шомаком [1; 1].

Бии Абыз и Шомак, упоминаемые в источниках, выделялись среди своих современников справедливостью, исключительным знанием степных канонов, норм обычного права, меценатством.

После Абыза и Шомака главами канжигалинцев Павлодарского Прииртышья были сын Шомак бая Бокты и влиятельный Толек батыр: «Волость канжегалинская, в которой старшина Букту-батыр и